

Стратегическое экспертное сообщество Усть-Качка – 2018

КОНФЕРЕНЦИЯ
«УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ
ПЕРМСКОГО КРАЯ
ДО 2032 ГОДА»

Не будет преувеличением сказать, что в 2012–2018 гг. по заявке администрации Пермского края силами Стратегического экспертного сообщества Усть-Качка (далее — Сообщество Усть-Качка, Усть-Качка) был поставлен уникальный эксперимент по созданию непрерывной последовательности прогнозов. Прогнозы формировались по итогам ежегодного экспертного семинара на 15-летнюю перспективу (считая от года написания итогового доклада).

Ранее подобную систематическую работу с постоянно корректирующимся прогнозом, предполагающую последующий выход на горизонт первых прогнозов, практиковала только Япония.

Результатом 30-летней деятельности японских аналитиков стала концепция роботизированной производящей экономики и шире — человеко-машинных сообществ. Данный прогноз лег в основу представлений о четвертой промышленной революции и VI технологическом укладе. Следует указать, что японский прогноз был частично опубликован уже в 2003 г., и тогда же в Японии были приняты управленческие решения, направленные на его реализацию. В США и ЕС серьезное обсуждение данной темы началось только в середине 2010-х годов.

За первые шесть лет работы семинара в Усть-Качке были сделаны и положены в основу управленческих решений в Пермском крае следующие стратегически значимые прогнозы.

- «Неустойчивость инерционных сценариев развития мира («устойчивое развитие», «конец истории», «зеленые города и безуглеродная экономика»)). Этот прогноз, сделанный в 2012 г., предсказывал рост неустойчивости мировой финансовой системы и высокую вероятность резкого падения цен на нефть в горизонте 2013–2015 гг. В 2013 г. прогноз был уточнен. Был сделан вывод о падении цены на нефть в октябре 2014 г. ниже 80 долл. за баррель (при прогнозе МЭР России в 110–120 долл. на 2015 г.). Прогноз был использован при формировании бюджета Пермского края. В 2015 г. бюджет в регионе пересчитали один раз (в январе). Прогноз/факт по доходам за 2015 г. — 99,8%.

• В мае 2013 г., то есть еще до начала украинских событий, сценарий «Новая холодная война» был выделен в качестве базового. В этом году впервые было сформулировано, что мировая экономическая конъюнктура в ближайшие годы (2013–2016 гг.) может быть крайне неблагоприятной и это потребует уточнения не только текста Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года, но и заложенных в нее принципов. В связи с этим был поставлен вопрос о необходимости политики импортозамещения, отмечено значительное возрастание военных рисков (на тот момент в версии многих малых войн), сформулированы представления о кризисе глобализации в простейшей версии перехода к региональным империям и макрорегиональным валютам. Была также построена модель постиндустриальной порчи банковских кредитов и, как следствие, постав-

ском инженерно-экономическом форуме Декларации о VI технологическом укладе («Пермские тезисы»). На данный момент «Пермские тезисы» являются стандартом де-факто в отношении VI технологического уклада. Необходимо отметить, что Россия описала основные черты и главные риски нового технологического уклада раньше, нежели подобные работы были выполнены на Западе. Участники семинара 2014 г. подробно описали украинский кризис и возможные сценарии его развития на уровнях «Украина», «Украина — Россия», «Мир». В частности, была предсказана «военная тревога» лета 2014 г. («дело малайзийского „боинга“»).

• В 2015 г. обстановка уже однозначно трактовалась как «постглобальный мир с высокими рисками внешней и внутренней войны, мировой и национальной катастрофы». Столь высо-

лен вопрос о наступающем системном кризисе банковской системы (Сбербанк России начал рассматривать эту проблему с весны 2016 г.). Был сделан вывод о многоукладности экономики России и необходимости организации развития промыслов, а также о том, что концепция развития малого бизнеса должна быть напрямую увязана с концепцией развития федеральных вертикально интегрированных холдингов и региональных инженерно-промышленных кластеров.

• В мае 2014 г. было отмечено, что прогноз 2013 г. полностью реализовался, и был сделан вывод о неизбежности распада глобального мира и необходимости пересборки мирового порядка в новую конфигурацию. Был поставлен вопрос о переходе от глобального мира-экономики к локальным мирам-хозяйствам. Одним из наиболее значимых результатов прогностического такта 2014 г. стало принятие на Перм-

ские риски породили совершенно новые возможности (например, сценарий *Unix*-экономики). По существу, на семинаре 2015 г., проведенном в технике метасценирования, диагностировалось снижение разнообразия как мировых, так и страновых сценариев до двух или трех основных. Такое снижение разнообразия сценарного пространства однозначно рассматривается как маркер структурного кризиса. В ходе семинара-2015 был вскрыт базовый конфликт современной России: «VI уклад против IV+++», а также было показано, что он налагается на сопутствующий конфликт «VI уклад против V+». Был рассмотрен вопрос о необходимости интеграции «крупных вертикальных холдингов» и «управленческо-хозяйственных органов на местах» (сочетание пространственного и отраслевого подходов) через механизмы, предоставленные Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — 172-ФЗ).

- В мае 2016 г. семинар в Усть-Качке использовался в качестве субъекта прогнозирования для создания в рамках требований 172-ФЗ развернутого Стратегического прогноза развития Пермского края на средне- и долгосрочную перспективу. Подчеркнем, что проведение ежегодного прогностико-стратегического семинара в Перми способствовало тому, что на данный момент (2018 г.) требования 172-ФЗ выполнены в России только администрацией Пермского края.

- Участники семинара 2016 г. предложили несколько нетривиальных краткосрочных политических прогнозов, которые оправдались еще до конца года: избрание Дональда Трампа президентом США; выход Великобритании из ЕС (*Brexit*), возрождение имперской политики Великобритании, рост напряженности в отно-

сценариев «СССР-2» и «Византия»), что поставило на повестку дня поиск инструментов модификации (трансформации) сценариев. Участники семинара 2017 г. подтвердили выводы о высоких военных рисках в Центральной Азии и констатировали, что процессы макрорегиональной интеграции в Центральной Азии (Прикаспии), на Дальнем Востоке, в Арктическом регионе являются маркерами наличия Большой игры и присутствия в ней России. Был сделан вывод о том, что «главным морем» для России на ближайшую перспективу станет Каспийское, а «слабым звеном» в Прикаспийском регионе будут Армения и Казахстан. Был также дан прогноз относительно крайне негативного восприятия российским обществом совместного экуменического проекта Русской православной церкви и Римской католической церкви.

шениях между Великобританией и Россией, а в среднесрочной перспективе — между Великобританией и США; значительный рост внутренней напряженности в США после избрания Д. Трампа; рост военных рисков в Центральной Азии. В области экономики было предсказано постепенное повышение цен на нефть с выходом на уровень 60–80 долл. за баррель. Наиболее интересными были долгосрочные прогнозы в технологической области (квантовый копир, малые автономные источники энергии, использование ионосферной энергии, новые классы макроскопических квантовых явлений, геоинженерные технологии, ренессанс электротехники, в том числе электроники больших токов, и т.д.), которые будут проверены на горизонте 2020–2025 гг.

- Важнейшим результатом семинара 2017 г. стало понимание того, что отсутствует «третий сценарий» развития РФ (за пределами

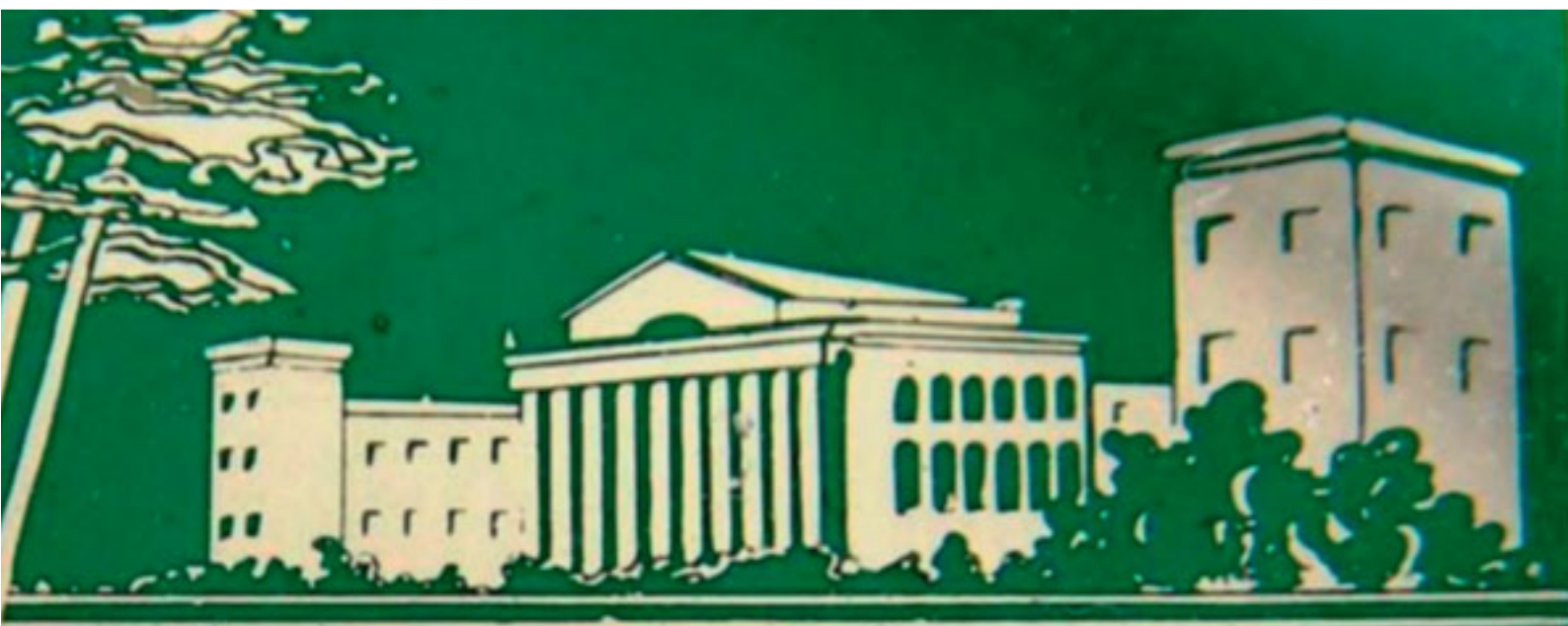
По мнению ряда ведущих российских экспертов в области стратегирования и прогнозирования, в Усть-Качке удалось организовать работу «фабрики мысли нового поколения». Соединение концептуального, стратегического и событийного уровней при рассмотрении, не только прогнозная сборка по направлениям PEST, но и соединение в матрицу по уровням «Мир» — «Страна» — «Регион» позволило выдавать очень высокий процент совпадений между прогнозом и фактом.

Журнал «Экономические стратегии» считает необходимым познакомить своих читателей с результатами работы УК-2018, дав краткий вариант прогноза, используемый для принятия решений, и материалы конференции (в полном объеме см. на сайте Института экономических стратегий <http://www.inesnet.ru>), на основании которых формируется Прогноз для управленцев. Материалы предваряют интервью с некоторыми из постоянных участников семинара.

Блиц-опрос системщиков Стратегического экспертного сообщества Усть-Качка

- Что это?
- Прогноз!
- Мне не нравится! Поменяй!
- Так это же прогноз!!!
- Я понял, что прогноз! Сказал же, мне не нравится! Поменяй!

***Непридуманные истории
из практики принятия решений***

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ЗОЛОТАРЕВ,

директор департамента макроэкономики администрации губернатора Пермского края

Дмитрий Юрьевич, с чего все началось?

Началось все в 2011 г., когда губернатор региона дал команду своими силами написать Стратегию социально-экономического развития за два месяца. Люди вокруг него были опытные, они понимали, что срок для подготовки документа такого уровня просто нереальный. И все дружно сделали шаг назад. А я чиновного опыта тогда не имел и замешкался. Вот моему департаменту и поручили.

У Вас получилось?

Когда знаешь, что задача из разряда слабо решаемых, есть возможность попробовать придумать способ, как ее, эту задачу, все же решить. Интересно же. Собственно, первый вариант метода PEST(M) возник именно из такой необходимости. Метод был тогда еще кособок, но он дал возможность выстроить в стратегии причинно-следственные связи. Ну а далее — целеполагание от губернатора мы имели. На основе PEST определили, «чего можно хотеть» со стороны «внешней среды». Плюс специалисты моего департамента поддерживали систему математических моделей, за счет которых рассчитывались макроэкономические параметры и готовились аналитические отчеты. В общем, через два месяца мы отдали 120 страниц Стратегии.

И какова была реакция?

Губернатор удивился, но не растерялся. Сказал, что никто 120 страниц читать не будет и что он хочет Стратегию на 25 страницах. Ну не хвалить же нас, в самом деле?

Поскольку логика Стратегии уже была выстроена, то осталось придумать новый формат и проверить на фактуре, которую дало правительство края. Без этого никак. В общем, совместными усилиями мы справились.

И именно тогда, в процессе написания Стратегии, Вы и собрали команду экспертов для Усть-Качки?

Не совсем. Поскольку денег на привлечение экспертов для разработки Стратегии нам не предоставили, из всего экспертного сообщества («потому что задачка интересная») участвовать в разработке Стратегии согласился один Дмитрий Сапегин. Так что региональных экспертов на Усть-Качку мы собирали уже потом, после подготовки Стратегии региона. Собирали по основному критерию — по профессионализму.

По этому же критерию отбирали и федеральных экспертов. Персонально. Здесь помог Мирослав Макстенок. И советом и контактами. И сам позднее стал участвовать в Усть-Качке как системщик. Обратились к Сергею Переслегинову — он тоже не отказал. Вообще, системщики, способные собирать, делать синтез принципиально нового, — самый большой дефицит в том самом «человеческом капитале». А к нам с первого захода приехали четверо. Потом — больше. Повезло, наверное.

А зачем в принципе все эти стратегические и долгосрочные прогнозы? В чем, кстати, разница? И почему, например, нельзя работать через формирование «образа будущего», как нам несколько лет назад активно предлагали?

Долгосрочный прогноз описывает имеющиеся процессы, чаще всего через продолжение в будущее динамики уже определенных счетных показателей.

Стратегический прогноз описывает те качественные изменения, которые формируют сценарные развилки, то есть те точки бифуркации,

Многие процессы сегодня нужно начинать регулировать до того, как произойдут критические изменения и регулировать что-то станет попросту поздно.

где имеющиеся процессы принципиально изменяются.

С позиции практики управления точки бифуркации — это точки, где управленец вынужден принимать решения. Если не принимает, то процессы идут по инерционному или негативному сценариям, которые редко бывают удовлетворительными. Тут важно правильно выделить эти точки принятия решений.

Существует связь между разными типами прогнозов. Стратегический определяет, что меняются базовые процессы и, следовательно, нужно менять набор оценочных показателей долгосрочного прогноза, характеризующий эти изменившиеся процессы. Или вообще рассматривать принципиально другой набор процессов в качестве базовых. Например, стратегический прогноз определяет, что нужно переходить от расчета поголовья лошадей к расчету количества тракторов и танков. Без стратегического прогноза не определишь, что пора переходить на расчет в танках, без долгосрочного не определишь, сколько этих танков нужно.

Зачем вообще нужна система прогнозов в управлении? Мы живем не просто в быстро меняющемся мире, а в мире, находящемся в точке бифуркации. И многие процессы сегодня нужно начинать регулировать до того, как произойдут критические изменения и регулировать что-то станет попросту поздно. Иначе говоря, нужно уходить от повсеместно практикуемой адаптивной схемы управления, когда управление осуществляется «по отклонению», к схеме работы на принципах «прогноз-коррекция».

Приведу пример. Классическая задачка про бассейн. Адаптивный метод управления «по отклонению» — бассейн наполняется, и, когда вода начинает перекрывать через край, управле-

нец начинает быстро-быстро крутить вентиль, а затем героическими усилиями убирать вытекшую наружу воду. Ну а потом отдыхать, сверкая медалями «за героизм» и наблюдая, как остатки воды утекают в слив бассейна. Вентиль-то перекрыли.

Метод «прогноз-коррекция» — это когда ты считаешь динамику, делаешь прогноз и начинаешь «крутить вентиль» до того, как вода выливается или уходит. Метод затратный. Но он принципиально снижает вероятность того, что какой-нибудь школьник нырнет в полупустой бассейн и разобьет себе голову.

Что до техники «образа будущего», а это одна из многих техник стратегирования, то использование ее в условиях внешнего смыслового и сценарного давления, в которых мы находились последние 30 лет и все еще находимся, является делом малоперспективным. Любой «построитель образа» будет сваливаться в один из навязанных нам извне сценариев. Прежде чем формировать образ, нужно сменить базовый концепт.

Эксперты Усть-Качки столкнулись с необходимостью смены базового концепта в процессе имитационного игрового моделирования в 2014 и 2016 годах. Присвоили условное название — «третий сценарий». В 2018 году, как мы считаем, мы нашли контуры концепта. Далее его нужно превращать в полноценную концепцию, дорабатывая на основе профессионального участия экспертов в разных направлениях, и делать итоговый синтез. Кстати, одна из составляющих успешности Усть-Качки как раз в том, что мы смогли организовать совместную работу профессиональных экспертов и «системщиков» разных школ. Хорошие аналитики в стране есть, а вот системщиков, способных делать качественный синтез принципиально нового, единицы. Я уже об этом упоминал. Из-за недостатка синтетиков мы имеем значительное концептуальное отставание России, которое для нас страшнее, чем санкции. Это очевидно для экспертов. Реализация инерционного сценария подразумевает, что это станет очевидным и для остальных, но уже тогда, когда «вода начнет выплескиваться из бассейна». Нужно исправлять ситуацию.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ АГЕЕВ,
генеральный директор Института экономических стратегий и Международного
научно-исследовательского института проблем управления, доктор экономических наук, профессор

Для чего, по Вашему мнению, необходимы дискуссионные площадки по стратегическому прогнозированию? Чем примечательна именно Усть-Качка?

В свое время В.И. Ленин весьма прозорливо заметил, что настанет время, когда и семидесяти «Марксов» будет мало для осмысления проблем социального развития. Факт невероятной сложности мира вообще и проблем его развития в частности был утвержден уже в 1960-е годы крахом парадигмы детерминизма. К тому времени основные доктрины мирового развития, разработанные двумя победителями во Второй мировой войне, были успешно реализованы. США укрепились в своей гегемонии, для которой потребовались сплочение под их эгидой западного мира и деколонизация мира «третьего». СССР успешно сформировал свою зону мирового хозяйства и влияния и продемонстрировал блестящие успехи в научно-технологическом и социальном развитии. В 1960-е годы началась разработка нового поколения планов миростроительства. Вспомним Кана, Росту, Меддоузов, Тоффлера на «той стороне», Академию наук, Госплан и ГКНТ — на «этой». Плеяда писателей и футурологов осмысливала будущее на обеих сторонах. Ефремов, Лемм, Стругацкие... В своей огромной, полной важных фактов и нюансов книге «Свожу счеты с жизнью» Игорь Васильевич Бестужев-Лада детально описал приключения футурологии

в обстановке советской партийности. Результатом этих поисков будущего стала доктрина конвергенции в условиях глобальных вызовов. Именно она в конечном счете интеллектуально сломала концепт СССР, распавшийся и вставший в основном своем фрагменте — в России — в бесконечную череду «перестроек и реформ», длящихся до сих пор. До начала 2000-х годов даже слова «стратегия», «планирование», «прогнозирование» были в России неприличными. Немногие рисковали думать об этих предметах.

По-моему, в 2005 году В.В. Путин обронил фразу о том, что теперь мы можем думать на десятилетия вперед. Это дало импульс возрождению подобия прогнозных практик. Как грибы после дождя стали появляться стратегии корпораций и регионов, федеральные стратегии и программы, были сформированы национальные проекты и тому подобное. Все этому «форсайтному ажиотажу», а главное — инвестициям в модернизацию сопутствовала внешнеторговая конъюнктура. Страна смогла вернуться к уровню ВВП конца 1980-х годов. И застыла в стагнации вплоть до наших дней, решившись на принятие долгожданного Закона о стратегическом планировании № 172-ФЗ. В нем, хотя лишь отчасти, воплотились ожидания и надежды всех тех, кто, будучи экспертами, промышленниками или чиновными людьми, не закрылся в своем эгоистическом домике повседневных забот и не отделял свою судьбу от многострадальной судьбы страны.

Именно в этот момент и возникло Сообщество Усть-Качка. Его с самого начала отличали три уникальные особенности. Во-первых, трехуровневая модель интересующего предмета: «Мир» — «Страна» — «Регион». Во-вторых, игровой принцип организации самого форума. Он проходит как «мозговой штурм» со всеми его атрибутами. И, наконец, главное — состав участников. Немного найдется в нашей стране энтузиастов, готовых, пусть и не за тридевять земель, но все-таки, рвануть в местечко неподалеку от Перми, на берегу Камы, чтобы с самого раннего утра до позднего вечера три дня подряд пребывать в крайне напряженном интеллектуальном и эмоциональном тоне, думая о перспективах страны, мира и края, обсуждая их в жарких спорах в жестких рамках, заданных правилами игры и модераторами.

Если все позитивные эффекты от появления в жизни Сообщества Усть-Качки редуцировать к одному, то он предельно ясен — именно здесь создана технология реализации 172-ФЗ, по крайней мере в фазе стратегического прогноза. Палитра методов прогнозирования и верификации сценарных гипотез в Усть-Качке наиболее полная в сравнении с прогнозными аналогами, хотя ей нет аналогов как сообществу. А результаты предвидения вообще феноменальны. Достаточно напомнить прогноз о победе Трампа.

Необходимы ли дискуссионные площадки по проблемам стратегического планирования? Сегодня наблюдается какая-то эпидемия логореи. Форумы, так или иначе затрагивающие стратегические темы, организуют вузы, ФОИВов, партии, регионы и так далее. На мой взгляд, современный жанр конференции как потока докладчиков мало похож на дискуссию. Снующие туда-сюда участники таких конференций или толпы принудительно загнанных студентов — моветон и знак некачества таких событий. По сути, речь не только об уровне материала для дискуссии, но и о технологическом уровне дискуссий. Без применения технологий «мозгового штурма» в той или иной версии ценность площадок невелика. Усть-Качка с самого начала опиралась на качество материала, экспертов и технологии дискуссии. Стоит сказать, что собственно этим трем дням предшествует огромная подготовительная работа по выработке гипотез и импульсных докладов, а затем весь материал анализируется и превращается в аналитику для осмысления и подготовки управленческих решений.

Чем для Вас является проект Усть-Качка? Как Вы вошли в пул экспертов?

Для меня лично это живой реактор знаний, оценок, ориентиров, работающий в формате 24/7. Это сетевое сообщество блестящих экспертов, всегда интересных и близких по фундаментальным мировоззренческим контекстам.

Как вошел в пул? Пригласили.

В чем разница между прогнозированием и стратегированием?

Сошлюсь для иллюстрации на китайский девятифакторный ответ на этот вопрос. Осмысление ситуации для принятия решений включает девять аспектов: сенсорику, аналитику, диагностику, прогнозирование, проверка альтернатив, стратегирование, методы, оценка ожидаемых результатов, выбор решения — тактиче-

ского или стратегического. Как видно по этой конструкции, прогнозирование и стратегирование — всего лишь фазы более сложной конструкции стратегического мышления и действия. Возможны и другие схемы. Одна из наиболее емких и комплексных — стратегическая матрица, увязывающая также в девять узлов три блока управленческого процесса: целеполагание вплоть до стратегического выбора, ресурсы и реализацию стратегии. Но различие в любом случае сведется к тому, что прогнозирование всегда предшествует стратегированию. Между прочим, этот принцип закреплён в 172-ФЗ. И не соблюдается. Но это другой вопрос. И другой ответ.

Япония — государство-первопроходец в области систематической работы с постоянно корректирующимся прогнозом. Какие новации предлагает в этой области «Усть-Качка»?

Меня смущает такая легкая передача, пусть даже Японии, приоритета первопроходца. СССР впервые в мире применил план как способ воплощения прогноза. Разве эта практика планирования не была системно выстроена? Разве не только план, но и прогнозные ожидания не корректировали? Вспомним реалии первых пятилеток. Другое дело, что вырождение прогноза в плановое задание имеет свои негативные последствия. Но методы балансировки целей, ресурсов и результатов, реализовавшиеся не только в годы мирных пятилеток, но и в период Великой Отечественной и впоследствии, — это величайшее достижение мировой прогностики и планирования. Кстати, вершиной советского прогнозирования можно по праву считать разработку Комплексной программы научно-технического развития в 1970–1980-е годы. Она как раз и осталась в фазе прогноза, не успев дойти до полноценной реализации. Но вспомним триумфальную программу «Бурана»! Только малой осведомленностью большинства соотечественников, включая политиков, можно объяснить крайне незначительное внимание к 30-летию нашего космического триумфа, сравнимого с запуском спутника, человека на околоземную орбиту, с выходом человека в космос. Неудивительно поэтому, что кто-то видит первопроходца прогнозирования в Японии. Это не значит, что следует пренебрегать опытом индикативного планирования в Японии или Франции, опытом реализации крупных проектов или создания федеральной контрактной системы в США. Это не значит, что восхищение достижениями планирования должно затмевать осознание причин провала советской хозяйственной системы. Но это также другой сюжет для размышлений.

Усть-Качка стала, по существу, своеобразным институтом прогнозирования с регулярной корректировкой долгосрочных прогнозных матриц. Технологию и кадровый потенциал Усть-Качки можно и должно всемерно использовать при выработке стратегических долгосрочных прогнозов и последующих шагов в стратегическом пла-

нировании согласно 172-ФЗ как на региональном, так и на отраслевом и страновом уровнях.

Однако судьба новаций Усть-Качки напоминает судьбу всех инноваций в России. Замечено поэтому: *«Ясновидцев — впрочем, как и очевидцев — Во все века сжигали люди на кострах»*.

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ САПЕГИН,

генеральный директор ЗАО «ОРВИНИТ», автор программы «Молодежь Прикамья — 2002–2005»

Как Вы попали в эту историю с УК? Зачем Вам это было нужно? Для чего, на Ваш взгляд, регионам необходимы экспертные площадки, занимающиеся стратегическим прогнозом?

Очень хорошо сформулирован вопрос. Он дает возможность отличать тех, кто «попадает в историю», от тех, кто истории создает.

В нашем случае необходимость создания такой площадки была связана с тем, что до ее появления в регионе был один центр смыслов — в голове у руководителя региона. А чтобы регион развивался, этого недостаточно. Даже в военных условиях рассматриваются варианты сложных задач, а тогда, можно сказать, было еще мирное время.

Различить точные и неточные смыслы невозможно, если нет разных вариантов.

С тех пор прошло время, и уже очевидно, что некоторые из «губернаторских» смыслов развития региона были неточны. Они повлекли за собой огромные затраты с минимальными результатами, чего можно было избежать, рассмотрев раз-

личные варианты для «точек сборки» региональных процессов.

Сегодня мы живем в среде, где ценность информации постоянно падает, потому что для проверки этой информации нужна новая, которая тоже может оказаться недостоверной. А вот ценность смыслов постоянно растет, так как в меняющемся мире человек, принимающий решения, все чаще и чаще должен совершать выбор, опираясь не на информацию, а на какой-либо устойчивый и просчитанный смысл.

Генерация смыслов будущего оказалась востребованной, и ее востребованность будет расти.

Иначе говоря, все же генерация смыслов будущего, а не «поиск образа»?

Да. Потому что смыслы — это то, что живет дольше образа. Это то, что важнее информации и дает возможность свободнее ориентироваться в меняющемся мире.

Хорошо. А зачем все это надо другим?

Первое. Такая экспертная площадка — не «магазин готовых ответов для региона». Это, скорее, канал связи с реальностью, который работает в обе стороны — эксперты понимают, как изменяются процессы в формате «Мир» — «Страна» — «Регион», и их понимание влияет на процессы в регионе и стране, а в отдельных случаях и в мире. Это происходит потому, что большинство экспертов-участников — активные деятели (стейкхолдеры).

Сейчас только по тому, как человек говорит и что он говорит о развитии региона, можно легко понять, присутствовал ли он хоть раз на экспертной площадке Усть-Качки.

Второе. Это минимизация стратегических ошибок в меняющейся среде. Наличие подготовленных таким образом экспертов создает ситуацию, когда по наиболее важным вопросам развития неточные решения исключаются принципиально.

МИРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ МАКСТЕНЕК,
руководитель медиагруппы «Апокриф»

Чем Вас привлек, заинтересовал проект УК?
«Специалист подобен флюсу». Замысел УК, как мне тогда показалось, — это способ ввести в игру людей с различными флюсами и попробовать из этих пазлов сложить картинку.

Замечу, что концепция игры как метода осмысления проблем и поиска их решения — самая, пожалуй, результативная, но и самая сложная форма прогнозирования и раннего предупреждения. Это не мой вывод, кстати. Понятие *war gaming*, а по сути именно этот метод лег в основу УК, — остро популярный метод как на корпоративном, так и на государственном уровне. Увы, не у нас в стране. Метод сложный, трудный в реализации, но очень эффективный, когда игра получается.

На тот момент, когда Д.Ю. Золотарев ко мне обратился с вопросами, я как раз готовил обзорный материал по *think tank*, методикам, практике применения, способам работы с экспертным сообществом. Поэтому возникновение живого примера было очень актуально и интересно.

Прогнозирование или стратегирование?
Это то самое место, где я не перестаю «воевать» с Д.Ю. Золотаревым и С.Б. Переслегиным.

Прогноз — это всегда модель. Сначала модель системы, потом расчет на некоторый горизонт возможного состояния системы исходя из теку-

щего состояния и при некоторых предположениях о параметрах модели.

Только получив прогноз, уместно ставить вопрос о «правильном» управлении системой для достижения требуемого целевого состояния.

И здесь всегда стоит проклятый вопрос: модель-то где брать? Особенно когда речь идет о поведении нелинейной социально-экономической системы, да еще в условиях имманентного недостатка информации как о самой системе, так и о параметрах ее отдельных составляющих.

По сути, игра — это способ моделировать систему как состоящую из блоков, за каждый из которых играет некоторый игрок.

Но игра — это всегда конфликт. Причем конфликт неравновесный. А модель PEST конфликт не задает, в этой технике конфликт предлагается описать, идентифицировать самим игрокам. Иногда удастся, иногда игра рассыпается. А это «несчетно», то есть здесь нужно тогда проводить серию игр и как-то усреднять результат.

Когда говорят о стратегировании, как мне кажется, речь идет о попытке выстраивания модели системы через задание множества итоговых состояний, при этом не обращают внимания на внутренности системы. Такой «черный ящик», в который исследователь тыкает палочкой и смотрит, что произойдет, в надежде, что многократное тыканье позволит получить достаточно представительный набор «стимул-реакция». Причем применяемый в УК PEST вводит еще и дополнение, послойное деление стратегий на уровни: «Мир» — «Страна» — «Регион».

Впрочем, это вопрос методики проведения игры и последующей сборки результатов. Как ни странно, в ходе ряда сессий УК результат собирается.

Удивительно!

Проект состоялся?

И да и нет. С одной стороны — да, поскольку действительно выстроена некоторая машина, в которую можно загружать вводные и получать ответы. С другой стороны, машина крайне чувстви-

тельна к персоналиям игроков. И были сессии, которые рассыпались из-за слишком сильно персонифицированных целей.

Дело в том, что участники УК, как и члены любого экспертного сообщества, помимо целей игры преследуют и свои личные цели, имеют амбиции и мотивации. Из реальности, так сказать. Иногда это убивает игру.

Как мне кажется, эффективного способа нивелирования этого в УК пока не найдено. Сегодня используется фактически единственный метод — модерирование.

Но в реальности-то далеко не всегда есть модератор...

Это скепсис разочарования?

Да я с каждой УК уезжаю со словами: «Пропади все пропадом, ноги моей тут больше не будет!» До следующей УК.

Именно потому, что есть личные цели, мотивации. И почти у всех участников УК это в первую очередь обкатка своих мыслей, идей, техник в условиях реальной боевой задачи.

Сирия практически.

ПАВЕЛ ЮРЬЕВИЧ КОНОТОПОВ,
руководитель проектов Открытого правительства Российской Федерации

Павел Юрьевич, а каким ветром в Усть-Качку занесло Вас?

В начале нулевых я участвовал в написании монографии, посвященной вопросам системного анализа, информационно-аналитического и прогнозного обеспечения процессов принятия решений. Монография, на счастье, была умеренно заумной и быстро разошлась «в узком кругу ограниченных лиц». Видимо, тогда-то меня Д.Ю. Золотарев с М.И. Макстенеком и заперленговали. Это во-первых.

Ну, а во-вторых, в ту пору ветром меня занесло в Республику Коми, где я как раз занимался координацией, методическим и организаци-

онным сопровождением процессов стратегического планирования и разработки государственных программ. Так что ветер был, почитай, умеренным северным — северо-западным.

Вы участвовали во всех стратегических сессиях Усть-Качки. Не наскучило?

Не наскучило. Больше скажу, вне зависимости от интенсивности своего графика я стараюсь выкроить время для поездки на стратегическую сессию «Пермского клуба». Несмотря на то что по роду своей деятельности я непрерывно погружен в контекст стратегического анализа и прогнозирования национальных и глобальных трендов, каждый приезд в Усть-Качку — это своеобразный выход в ноосферу.

Каждый раз на сессии происходит сборка пазла из экспертных мнений, опирающихся на очень небанальные модели мира, исследовательские методики и напластования знаний, стоящие за каждым участником сессии. Это очень тонизирует, хотя отдыхом этот конвейер докладов и рабочих сессий точно не назовешь. Но если в меру, то стратегический анализ, прогнозирование, сценирование и построение альтернативных миров будущего — чрезвычайно увлекательное занятие!

Многие участники Усть-Качки приезжают из других регионов. Неужто им других площадок не хватает?

Не хватает. Но, чтобы понимать, чего именно не хватает, нужно договориться о понятиях. Есть традиционные мозговые тресты (типа классического НИИ), а есть мозговые тресты нового по-

**Из кучки бумажек и кучки денег
ничто само собой не родится.
Это чудо нужно 1) организовать
и 2) претворить в жизнь.**

коления, а уже среди них есть то, что я называю словом «площадка».

Традиционные мозговые тресты растят научные школы, в научных школах растят научные кадры, а научные кадры растят и оттачивают свои знания, чтобы, применяя их, решать конкретные научные задачи. За рамками системы индустриального научного производства остается творческий неформат, внесистемная изюминка творческой личности.

Этот вот творческий неформат, умело выманимый на территорию смежной отрасли знаний, становится для нее методологическим донором. Результаты неформатного мышления иногда получаются незаурядными. Освоением такого неформата чаще всего и занимаются площадки. Качественный неформат — это на 50 процентов хорошая площадка. Но качество площадки — это еще и 50 процентов магии. Эта магия — сплав атмосферы, талантов модераторов, качества и эффективности методического обеспечения.

Площадка — это специфически устроенный и функционирующий динамический мозговой трест, скорее сетевого, нежели иерархического типа. На площадках нет чинов и иерархий, есть мотивация, стимуляция, творческая самоорганизация, проявленные здесь и сейчас компетенции и лидерство. В этом смысле Усть-Качка вполне себе годная площадка, очень умеренно открытая и регулярно обнадеживающая. Неформат в Усть-Качке — вполне годный, вдумчиво фильтруется и ротируется.

А можно нехватку площадок компенсировать избытком традиционных мозговых трестов? Нельзя.

Во-первых, традиционный мозговой трест — это проблемно ориентированный инструмент индустриальной науки. В традиционном мозговом тресте налицо все атрибуты плохой системности: иерархия, планирование, бюджетирование и бюрократия.

Есть у мозгового треста пара весомых отличий от НИИ: 1) элемент публичности (концептуаль-

ное управление целевой аудиторией) и 2) элемент субъектности (реальной или имитируемой самостоятельности в формировании повестки исследований). Для наших НИИ, если они хоть сколько-то вперты в экономику, такая субъектность — очень большая редкость. Есть заказчик, и ему публичность результатов не нужна (если речь не идет о публичной политике и мягкой силе, конечно).

Иными словами, под мозговыми трестами, как правило, понимаются исследовательские центры, продвигающие свои творческие результаты в СМИ и формирующие общественное мнение или позицию какого-либо профессионального сообщества по какому-то спектру проблем.

Во-вторых, где у нас вообще избыток?! Нам и традиционных-то мозговых трестов недодали, особенно на региональном уровне.

Хоть в Москве и Питере мозговых трестов и площадок много больше, чем где бы то ни было в стране, но достаточно сказать, что в одном лишь штате Вирджиния (США) насчитывается практически столько же мозговых трестов, сколько во всей России. Чуть больше сотни. Только вот в России живут 144 млн человек, а в Вирджинии — менее 8 млн (это меньше, чем в Москве). В США больше 1800 мозговых трестов, в Великобритании — больше 400, это значит, что интеллектуальная сеть там в 10 раз плотнее, чем у нас.

Так что чувствительные к реальным социально-экономическим проблемам территорий региональные площадки, которые должны подпитывать своими результатами региональную власть и региональный же бизнес, у нас rarities.

Можно уверенно сказать, что Усть-Качка — редкостный феномен. Мало того, что она есть, так это еще и площадка нового, как минимум для России, типа. Если довести до ума некоторые детали и нарастить технологичность, то на базе Усть-Качки вполне можно вырастить мозговой трест сетевого типа.

И что же получается, создай в каждом городке с 50 тыс. населения мозговой трест, а в каждом регионе — по паре-тройке площадок, и мы в дамках?

Ну, не сразу...

Вопрос не только в количестве и качестве прогнозов, стратегий и проектов. Вопрос в том, что эти стратегии и проекты надо претворять в жизнь, а это нетривиальная задача. Из кучки бумажек и кучки

денег ничто само собой не родится. Это чудо нужно 1) организовать и 2) претворить в жизнь.

А ресурсов всегда мало. По большей части они расходуются на обеспечение того, чтобы все, что уже построено, создано и слеплено, работало и не разваливалось.

Самое дорогое у нас — это люди. Особенно дороги люди в организациях, уже ничего путного не делающих. Подобные организации — часть наследия, которое должно или не должно не разваливаться. И таких затончиков, где истлевают деньги и материальные ресурсы, много. Про них просто забыли или оставили про запас.

Нужно уметь принимать взвешенные решения о том, какой запас карман не трет, а от какого карман прохудится. Нужно уметь не только собирать и создавать новое, но и демонтировать старое. Уметь демонтировать даже такое старое, которое всем сегодня кажется полезным и считает себя таковым, даже если оно собирает толпы поддержантов, чтобы они кричали: «Оставьте это нам! Оно испокон веков здесь стояло!»

Кто-то, кого в сегодняшней конструкции нашего государства нет, должен управлять системной (институциональной) динамикой. Собирать и разбирать организационные системы, не оставляя зияющих дыр и неприметных лакун. В этом и состоит сущность развития и глубинная сущность стратегии, а не в том, чтобы непрерывно строить и надстраивать, накладывая кирпичи поверх сгнивших бревен, хайтек над архаикой.

Власть на то и власть, чтобы планомерно, разумно и прозрачно собирать, разбирать и заново — по проекту — пересобирать организации и институты, не позволяя им переродиться в черные дыры. А проекты перспективных и жизнеспособных институциональных архитектур готовят, защищают и продвигают конкурирующие мозговые тресты и площадки (кстати, на выборах выбирают тоже не партии).

Не управляешь институциональной динамикой — не управляешь ничем.

И в дамках тебе не бывать, найдется тот, кто будет управлять за тебя.

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ПЕРЕСЛЕГИН,

директор Центра экономики знаний Международного научно-исследовательского института проблем управления

Как Вы попали на Усть-Качку?

Я прогностик. Работа интересная, но требующая внимательности (качество, вообще-то,

мне совершенно не свойственное). В частности, нужно быть внимательным к локусам будущего, которые нет-нет да и проявляются в настоящем.

Рассуждая примерно в такой логике, я где-то в 2010 году обратил внимание на Пермь и Пермский край. Тогда я не знал об этом регионе ничего, выходящего за пределы курса географии советской средней школы. Видел только, что Пермь регулярно светится в СМИ — то в положительной коннотации (пермский культурный проект, культурная столица, «Красные человечки»), то в отрицательной — город упоминался в контексте всевозможных катастроф и чрезвычайных происшествий.

В нашем цеху принято говорить: «Не лечите по фотографии». Но я, собственно, Пермью не занимался, так что никого не лечил, а по данным СМИ сделал вывод, согласно которому всякая попытка территории реализовать у себя проект, направленный в будущее, приводит к сгущению на этой территории прошлого. Рассогласование

Власть на то и власть, чтобы планомерно, разумно и прозрачно собирать, разбирать и заново — по проекту — пересобирать организации и институции, не позволяя им переродиться в черные дыры.

времен оборачивается высокими рисками катастрофических ситуаций. Мы назвали это пермским синдромом.

Позже выяснилось, что ситуацию в Перми я оценивал совершенно неверно, но сам вывод оказался правильным, применимым и к Пермскому краю, и ко многим другим территориям.

Потом я попал в Пермь на семинар по медицине и демографии. Кажется, там я впервые столкнулся (не зная этого) с техникой управления территорией на основании Кодификатора целей и задач. Я вновь убедился, что в регионе «что-то важное происходит» и к этому нужно отнестись внимательно.

А потом я получил письмо от Д.Ю. Золотарева с приглашением приехать на Усть-Качку. Письмо содержало жесткую и нелицеприятную оценку предыдущего такта развития Перми, который я в тот момент оценивал достаточно позитивно. Я ответил примерно в том духе, что все было хорошо, не надо ломать... Завязалась переписка. Закончилось это моим приездом в Усть-Качку, причем в тот момент моей единственной целью было посмотреть, а как там на самом деле.

И что Вы увидели?

Во-первых, увидел, что Дмитрий Юрьевич был прав. Регион (очевидно индустриальный) на предыдущем такте «ломали через колено», чтобы выстроить в нем «что-то постиндустриальное, посткультурное, постмодернистское». Проект не соотносился с территорией и еще меньше соотносился с людьми, с которыми я встретился в Усть-Качке.

В отчете я выразился еще довольно обтекаемо: «Общая позиция пермских участников семинара — представить культурный проект предыдущей администрации как чисто менеджерский, имитационный. И, надо полагать, «какая-то доля правды в этом есть» (Г.К. Жуков)». В действительности уже в первый день первой Усть-Качки стало совершенно ясно, что московские советники «предыдущей администрации» вообще не поинтересовались культурно-историческими и, шире, цивилизационными особенностями того региона, с которым они работали.

Конференция, кстати, открылась обстоятельным докладом об истории Пермского края (приграничье, соляная и горно-заводская цивилизация, территория эксперимента, ментальная карта и т.д.). Тогда же началось обсуждение темы пермского (и российского) культурного кода, проходящее через все Усть-Качки.

Что Вы там делаете?

В ранней молодости я ставил в школьном театре спектакль Е. Шварца «Дракон» и сам играл там губернатора, страдающего шизофренией, паранойей, раздвоением личности и другими нервными и психическими болезнями. Цитата:

«— Что это ты делаешь, старая дура?

— Не видишь что ли? Председательствую.

— Так не женское ж это дело.

— А я и сама не рада, касатик».

Так вот, я на Усть-Качке председательствую и, конечно, этому не очень рад.

Почему я? Все очень просто. Культурно-исторические особенности Пермского края («пермяки... они немного странные») приводят к тому, что собравшийся народ не видит в качестве ведущего и модератора никого. Во-первых, московских (по определению). Во-вторых, своих. Мне, разумеется, пермяки тоже не доверяют, но все — в равной мере. Иначе говоря, я рассматриваюсь как меньшее из возможных зол.

Ну и сверх того я сборщик. Умею ловить в очень разных выступлениях общие смыслы и фиксировать их. Конечно, свои «вистики приписываю», но чужих смыслов не пропускаю и не упускаю.

В результате конференцию удастся собрать. Иногда.

Кроме того, на Усть-Качке удастся поиграть: поработать в группе, что-нибудь придумать или расслышать среди чужих мыслей, что-то понять.

Из всех мероприятий года это самый тяжелый семинар (после Усть-Качки я отдыхаю в режиме овоща три дня), но и один из самых интересных и значимых.

Чем Усть-Качка нова, необычна, интересна, важна?

В свое время японцы взяли у американцев методику форсайта и, особенно не вдумываясь, как это работает, начали проводить ежегодные форсайтные семинары. Ни малейшего интереса это не представляло до тех пор, пока японцы не вышли на горизонт своего первого прогноза. После этого они смогли отрефлексировать происшедшее за 30 лет и кое-что понять. Это кое-что послужило основой концепции робототехнического общества, человеко-машинных систем и человеко-роботизированных сообществ. Лет через десять американцы сделали из японских озарений концепцию четвертой промышленной революции, или VI технологического уклада.

Японцы, в общем-то, слабые прогностики. В этой области они уступают не только нам и американцам, но и, например, голландцам. Причиной того, что им удалось сделать нетривиальный прогноз, была институционализация: их прогнозные семинары были плохими, но они повторялись каждый год на протяжении десятков лет.

Так вот, семинары в Усть-Качке не только сложно и интересно организованы (в этом смысле они гораздо содержательнее японских, да и известных мне европейских и российских аналогов), но и институционализированы. Поэтому есть возможность настроить инструмент, а игра есть исследовательский инструмент, который нужно подбирать по руке, калибровать, юстировать и т.д. Есть и другая возможность — изучить последовательные «приключения сценариев», увидеть, как некоторые из них со временем умирают (то есть становятся крайне маловероятными), другие усиливаются, третьи трансформируются, сохраняя исходное содержание, но меняя форму, иногда кардинально. Можно выделить инварианты, которые остаются неизменными при переходе от глобализации к инфраструктурному капитализму, от все-

общего мира к «ледяной войне», и вскрыть смысл этих инвариантов. Поэтому для меня важно, чтобы традиция Усть-Качки не прерывалась.

Далее, важна форма Усть-Качки. Это ведь своеобразная игра в игре, и очень многие выводы делаются не на основании того, что говорили те или иные эксперты, а на основании того, когда и как они это говорили. Собственно, игра начинается задолго до Усть-Качки — на стадии подбора новых экспертов и формулирования повестки игровых дней — и заканчивается после процедуры сборки, которая представляет собой многократный интерактивный обмен позициями между мною и Д.Ю. Золотаревым, то есть тоже игру.

Наконец, важен состав участников. Есть общее ядро, которое иногда называют сообществом Усть-Качки, есть приглашенные эксперты, они подбираются под ситуацию, чтобы представить не только ту или иную важную позицию, но и социальную группу, с этой позицией ассоциированную.

Для меня важно, что в Усть-Качке всегда присутствует пермскость. Это, во-первых, позиция промышленного, производящего региона. Во-вторых, позиция людей, которые не подчиняются интеллектуальному диктату Москвы, но и не уходят в местничество и провинциализм.

Если говорить о результатах Усть-Качки, то это, во-первых, создание новых прогностических инструментов (прогностические требования к стратегии, понятие «эскиз стратегии» и др.), во-вторых, создание представления о возможных векторах развития промышленного региона в постиндустриальную эпоху и, лишь в-третьих, множество оправдавшихся уже прогнозов, таких как «ледяная война», VI технологический уклад, цена на нефть, избрание Дональда Трампа и других.

Некоторые выводы по результатам конференции Стратегического экспертного сообщества Усть-Качка – 2018

Системным уровнем на конференции УК-2018 был уровень «Страна». Были четко локализованы два сценарных блока — инерционный и базовый. Сценарные блоки «Страна» были отражены на уровнях «Мир» и «Регион».

На уровне «Мир» констатировалось, что в результате проведения развитыми странами политики количественного денежного смягчения с целью поддержать национальный капитал с одновременным вводом ограничений на перетоки для защиты национальных интересов (включая санкции и заградительные пошлины) основной дефицитный мировой ресурс предыдущего такта — деньги — перестал быть главным дефицитным ресурсом¹.

Наибольший дефицитный ресурс на текущем такте мирового развития — геополитическая и полицейская стабильность².

Наибольший дефицитный ресурс на следующем такте — смысловые концепты, способные обеспечить новую системную сложность (геокультура³) и полные технологические пакеты (четвертая промышленная революция, VI уклад), владение которыми определит возможность формировать геоэкономическую и геополитическую повестку для уровня «Мир» как минимум на последующие 30–50 лет.

Инвестиции на этапе становления новой мировой геоэкономической конфигурации — это не деньги, а базовые технологические пакеты плюс обеспечение.

Обеспечение включает смысловые концепты⁴, систему образования для производителей и покупателей, а также инфраструктуру, позволяющую производить и реализовывать конечные продукты на основе пакета — от сырья до рынков.

Инфраструктура как по сырью, так и по рынкам должна быть защищена геополитической и военно-полицейской мощью. Обучающая инфраструктура должна быть защищена, прежде всего информационно.

Эпоха постмодернизма с доминированием разнообразия малых нарративов завершилась. Идет усиленный поиск новых глобальных нарративов.

Критическим ресурсом, за обладание которым сегодня идет жесткое противостояние на уровне «Мир», является время в различных его аспектах (это, прежде всего, темп, динамика развития; «сложное время» как элемент обеспечения многоукладности, где каждая из страт может жить в своем собственном времени; «сложное время» как технологический и социальный элемент квантовой сборки и т.д.).

На уровне «Регион» завершился процесс перехода кризиса управления в кризис доверия (смотри прогноз УК-2016)⁵.

Впервые на конференции была зафиксирована совершенно новая, ранее ни разу не отмечавшаяся позиция не успевшего, опоздавшего, не вступившего в игру вовремя и пытающегося что-то сказать, доиграть, когда время уже ушло.

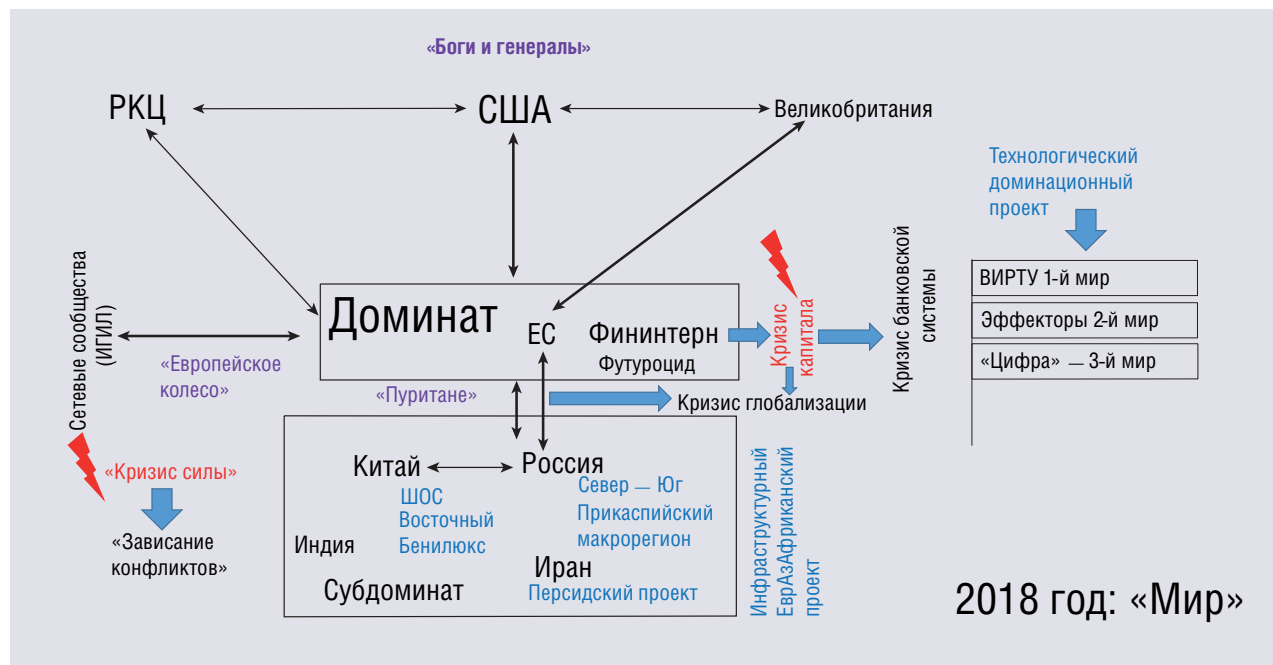
Уровень «Страна»: возможности и угрозы

Внешние возможности с позиции «Мир»: «Каспийское кольцо»

В России кроме длинного шестисотлетнего гумилевского цикла (VII в. – 1240 г., удельно-вечевая Русь, 1380–1991 гг., имперская Русь) можно выделить также трехсотлетний сценарный цикл:

- сюжет «Василий Буслаев» (варяг), в котором главным действующим лицом является купец-и-воин, социальная структура представлена ватагой, базовая ценность — справедливость и кураж;

Стратегическое экспертное сообщество Усть-Качка (далее — УК) работает в формате «фабрика мысли нового поколения», где сочетаются элементы классического научного поиска, проектной и аналитической работы, игровые блоки («игра над игрой», «социальное моделирование»), сценарно-прогностические и др.

- сюжет «Святая Русь», сформировавшийся к эпохе Ивана III, где базовая ценность — благодать, а героем является священник-и-воин;
- сюжет «Окно в Европу», сформированный при Петре I, где героем оказывается воин-морьяк-исследователь, а базовой ценностью становится единство: государство/государство/народ/земля.

Оба современных сценария — «СССР-2» и «Византия», выделенных на УК-2015 в качестве заданной извне сценарной рамки для России, — вытекают из логики реализации сюжета «Окна в Европу», то есть они имеют общие корни.

Но, исходя из предложенных временных циклов, как раз с начала 2000-х мы наблюдаем завершение и трехсотлетнего цикла «Окно в Европу», и шестисотлетнего цикла «Имперская Русь».

Все три исторических сюжета имеют единую структуру. Они начинаются со смены географического вектора экспансии и предполагают включение пассионарной энергии народов по вектору экспансии в проект цивилизационного развития и выстраивание под это смыслового концепта.

Смысловой концепт рождается из вопроса: «А что нам „там“ делать?», который в итоге преобразуется в вопрос-ответ: «Почему „они“ должны строить с нами новый вариант цивилизации».

На УК-2016 был сформулирован тезис: «Россия более не Восток Европы, а Север Евразии». На УК-2017 выделен регион Прикаспия в качестве одного из базовых. В частности, был сделан прогноз о том, что наиболее слабым звеном с геополитической позиции является Армения, далее — Казахстан. Прогноз по Армении подтвердился уже в начале 2018 г.

На УК-2018 был сделан переход в «проектный» режим, и регион Каспия был рассмотрен экспертами УК-2018 «с разных системных позиций наблюдателя», где рассмотрение уровня «Страна» шло из «надсистемы» (с позиции «Мир»).

Итоговый вывод: необходимо формирование железнодорожного кольца (именно кольца) вокруг Каспия с продолжением его в Иране до Персидского залива.

Такое кольцо:

- снимает геополитическое напряжение в Прикаспийском регионе, которое, по данным анализа террористической активности, нарастает, и делает элиты прикаспийских стран потенциальными союзниками России, то есть помогает снять риск создания очередной «Украины» в Казахстане и других странах Прикаспия и, шире, Средней Азии;
- дает смысловое наполнение формату «Другой» («Изгой»), традиционно разыгрываемому западными коалициями в отношении России. Для реализации данного сценария, вполне

приемлемого для России, необходимо создание «онтологического напряжения», без которого он не работает (аналог: борьба советской и западной систем, обеспечивающая развитие обеих борющихся противоположностей, та же «Большая игра» времен Российской империи и т.д.). Другими словами, должен быть предложен «иной», отличный на смысловом уровне от европейского, путь развития. *Культурно-геополитический союз с Ираном (союз древних цивилизаций) такую альтернативу дает;*

- полный технологический пакет получает необходимый объем рынков, российский производящий капитал, реализуя схему «инфраструктурный капитализм» (УК-2015), получает территории для экспансии и т.д.

Данные сценарные возможности были учтены именно как возможности при рассмотрении приведенных ниже сценариев уровня «Страна».

Внешние возможности и угрозы с позиции «Мир»: вирт

Связь концептов цифровой экономики и четвертой промышленной революции рассмотрена как взаимодействие трех блоков:

- блок концентрации международного интеллектуального капитала в виртуальной реальности, так называемый вирт — объединение

- ◆ Промышленная революция сформирует ядро новой экономики VI уклада, в том числе ядро виртуальной экономики (вирт).

- ◆ Цифровая экономика послужит торговой периферией (инфраструктурой), через которую будут продавать продукты промышленной революции, а также иные товары потребления.

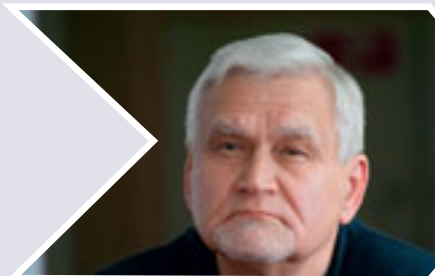
- ◆ Создание такого товара (товара-проекта), как виртуальный мир, устанавливает пользователям часть культурного кода, прошитого в виде поведенческих алгоритмов, принятых в данном виртуальном мире.

- ◆ Управление культурными кодами — это элемент управления будущими геоэкономическими союзами.

- ◆ Вирт создаст условия для короткого замыкания разных на сегодня контуров мировой финансовой системы.

Таким образом:

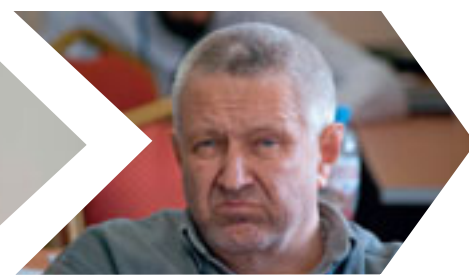
(1) Разделение на три блока (вирт, эффекторы, цифровая экономика) — это современная форма разделения государств на страны первого, второго и третьего мира.

А.С. Рассошных

В.Г. Былинкина

С.И. Касаткин

блока физических носителей и блока виртуальных миров;

- блок эффекторов как блок перевода продуктов виртуальной реальности в продукты физической реальности;

- транспортно-логистическая инфраструктура и сетевая периферия (то, что сегодня в России называют цифровой экономикой) — структура доступа к виртуальной реальности, в том числе игровой, и к удаленному управлению физическими механизмами, а также торгово-распределительная и финансовая периферия. Данная цифровая инфраструктура соединяет блок виртуальной реальности, блок эффекторов и пользователей вирта.

Иначе говоря, *цифровая экономика* (но без эффекторов и вирта, без интермодальных центров, связывающих онлайн- и офлайн-процессы) *есть путь России в страны третьего мира.*

(2) Цифровизация экономики на первом шаге создает у элит иллюзию роста контроля (над деньгами, процессами, над населением в целом). На втором шаге выяснится, что *BigData* контролируют не они. Поэтому риск потери современными элитами реального контроля над ситуацией закроет цифровую экономику как приоритетный национальный проект. Но на данном этапе существует *иллюзия контроля за ситуацией,*

В стране сложился национальный консенсус в том, что существующая модель экономики, социальной организации, системы управления более не способна обеспечить реализацию положительных ожиданий населения.

которая *поддерживает реализацию инерционного сценария.*

Внешние возможности и угрозы с позиции «Мир»: мировые циклы

Согласно вековым циклам Джузеппе Арриги (в среднем ~ 70–90 лет), 2019 г. — это начало фазы активного противостояния США и Китая в борьбе за сохранение своего мирового лидерства. Проигрыш означает уход из США центра мировой денежной эмиссии, доход от которой составляет оценочно более 25% странового ВВП.

В рамках цикла прогнозируется смена доминантного ресурса с отказом от нефти как базового ресурса и уход, предположительно, к (электрической) энергии от ядерного синтеза или от иных источников⁶.

Через прогнозируемых региональных конфликтов сформирует спрос на военно-полицейский потенциал России. При этом нужно учитывать, что достаточно высока вероятность применения ОМУ в ряде конфликтов.

ная, пока потенциально, составить конкуренцию США в формировании этого аспекта новой экономики⁸. Такой проект органично формируется в рамках реализации сюжета «Другой».

Новые смысловой и культурный проекты могут и должны стать элементом полного технологического пакета для всех крупных межстрановых проектов Большой Евразии. Конкретно — для «Каспийского кольца». Но это должна быть другая, принципиально отличная от доминирующей в сегодняшнем культурном пространстве России культура⁹.

Динамика внутреннего состояния

Анализ среднесрочных циклов на уровне «Регион» дает в 2019–2020 гг. схождение в нижней точке трех экономических циклов. Предыдущий аналогичный нижний резонансный пик наблюдался в 1998–1999 гг. Исходя из модельного принципа «регион как Россия в миниатюре», можно прогнозировать аналогичное резонансное схождение для уровня «Страна» в целом¹⁰.

А.М. Столяров

А.Р. Водяник

К.Г. Голобородов

Одним из существенных элементов борьбы за могущество становится формирование виртуальной реальности (вирт) как места концентрации мирового интеллектуального капитала. Одним из ключевых элементов вирта, помимо использования искусственного интеллекта, являются смысловые и поведенческие стандарты, принятые для виртуальных миров⁷. Стандарты формируются на основе разработки геокультурного проекта. Россия единственная из крупных стран Большой Евразии имеет исторический опыт формирования культурного проекта, комплементарно воспринимаемого иными цивилизациями. Иначе говоря, это единственная страна, способ-

Для достижения целевого снижения уровня бедности до 7% от численности населения при действующей экономической модели на уровне «Страна» цена за бочку нефти должна превышать 140 долл. Прогнозируемый среднесрочный предел цены — 80 долл. Иначе говоря, при действующей экономической модели цель «снижение бедности» недостижима в принципе. Но данная цель *уже* вошла в ожидания населения.

Агрессивно-депрессивная реакция, впервые за семь лет проявленная на конференции в день «Региона», причем в предельно жесткой форме, подтверждает вывод УК-2016 о реализации угро-

Война ради выхода из сомнительной, чреватой рисками политической, экономической и социальной ситуации никогда не бывает ни победоносной, ни маленькой.

зы перехода кризиса управления в кризис доверия с дальнейшим скатыванием в национальную депрессию и системный кризис.

Реакция вызвана диагностируемыми экспертами завышенными ожиданиями населения на положительные перемены. В стране сложился национальный консенсус в том, что существующая модель экономики, социальной организации, системы управления более не способна обеспечить реализацию положительных ожиданий населения. Причем нужно учитывать, что конференция проводилась еще до объявления о пенсионной реформе.

Данный момент (агрессивно-депрессивная реакция) является существенным ограничением на пути успешной реализации инерционного сценария.

На контрасте предложение группы «Фотоника» по формированию полного технологического пакета вызвало сильную положительную реакцию (базовый сценарий «Светоника»).

Впервые была сформирована позиция «опоздавшие бизнесмены».

Уровень «Страна»: сценарии и сценарные развилки

Инерционный сценарий

Основные ассоциативные тэги: ждем цены на нефть, пир финансистов накануне Великой депрессии, цифровая экономика, страна третьего мира.

Логика сценария и сценарные ветвления

Как и все инерционные сценарии, запускается и реализуется по умолчанию, образует основу сценарного пространства.

Инерционный сценарий существует в двух основных формах, выделенных на УК-2015 и связанных между собой через «маятник»: «Визан-

тия» и «СССР». Обе эти формы, во-первых, генетически связаны с уже исчерпанным европейским географическим вектором развития России и порожденным этим вектором сценарием «Окно в Европу», во-вторых, концептуально обращены в прошлое, в-третьих, генерируют неприемлемые риски, прежде всего военные, и в целом приведут к нежелательному будущему.

Для обеих форм инерционного сценария характерна политическая конфронтация с Западом («ледяная война») при отсутствии онтологического напряжения, то есть *консервация концептуального отставания*. Следует, однако, признать, что и «Византия», и «СССР» обеспечивают определенный уровень социальной стабильности, дееспособность власти и даже тяготеют к простым формам развития. Это делает «маятник» между двумя формами инерционного сценария устойчивым и воспроизводимым.

В инерционном сценарии выделяются следующие *версии*.

«Дорогая нефть». Фантастический сценарий, в котором все проблемы решаются сами собой. В сущности, это *российская субдоминантная версия западного сценария «Новая победа демократии»*, который рассматривался как крайне маловероятный уже в сценарии УК-2013 и полностью провалился в 2014–2016 гг. (победа Д. Трампа — последний гвоздь, вколотый в гроб этого сценария). Нет необходимости говорить, что этот сценарий не может быть реализован. Данная версия может рассматриваться как инерционный сценарий с оттенком фантастического. Зато он вообще не предусматривает каких-либо действий и сводится к ожиданию чуда. Нереалистичность сценария станет очевидной при очередном падении цен на нефть до нижней границы коридора устойчивости, то есть до 60 долл. за бочку. Провал сценария приведет к падению курса рубля, которое невозможно будет компенсировать ростом экспорта, росту социального напряжения и неуправляемой смене части элитного слоя. Таким образом, версия «Дорогая нефть» автоматически переходит в версию «Опричнина».

«Опричнина». Реалистический сценарий, в котором социальные проблемы решаются по обычной российской схеме — некоторый социальный откат (небольшие изменения нового пенсионного закона и т.д., снятие наиболее одиозных министров, наказание одного-двух олигархов, резкое повышение давления государства на губернаторов-«пятерочников»,

частичная управляемая смена элитных групп). Этот сценарий может реализоваться. Он приведет к потере страной интенции развития. Версия «Опричнина» может быть запущена автоматически — в связи с провалом версии «Дорогая нефть» (в этом случае она неуправляема и может реализоваться в предельной форме) или проектно. Для проектного, управляемого, запуска версии «Опричнина» наиболее благоприятным временем является осень 2018 г.

«Маленькая победоносная война». Среди российских субминационных элит, по-видимому, существуют группы акторов, рассматривающих такой вариант как одно из возможных и даже в определенных условиях желательных решений. Весь опыт истории, однако, четко демонстрирует иллюзорность таких надежд: *война ради выхода из сомнительной, чреватой рисками политической, экономической и социальной ситуации никогда не бывает ни победоносной, ни маленькой*. Власть это понимает, и данная версия рассматривается как «крайний случай». Тем не менее, она может быть проектно запущена в любой момент. Военная версия приведет к военному поражению (ограниченному, но неприятному, по типу Крымской войны) и к индуктивному политическому кризису.

Необходимо подчеркнуть, что выборы 2018 г. *вовсе не предоставили российским элитам карт-бланш на сохранение их власти в неизменном виде. В обществе сформированы ожидания значительных изменений. Отсутствие этих изменений в обозримый срок (до осени-зимы 2018 г.) резко сузит социальную базу государства.*

Все три версии инерционного сценария (обеих его форм — «Византия» и «СССР-2») *неприемлемы для России*. По мере перехода развитых стран к VI технологическому укладу сырьевая экономическая модель будет работать все хуже и хуже, в то время как негативные эффекты концептуального и технологического отставания России будут усугубляться. Россия опоздает к дележу мира государствами — создателями VI технологического уклада и может не вписаться даже на позицию страны третьего мира (цифровая экономика без эффекторов и вирт). Поэтому инерционный сценарий не может быть для России базовым.

«Маятник» форм «Византия» и «СССР», однако, устойчив, и третьего сценария не просматривается. При этом есть реальная надежда *содержательно трансформировать существующие*

сценарные формы таким образом, что они изменятся кардинально, сохранив генетическую связь с современным «маятником».

Такую трансформацию можно организовать проектно.

Будем различать формы «СССР» — «Византия», направленные в прошлое и являющиеся представлениями инерционного сценария, и новые формы «СССР*» — «Византия*», ориентированные на будущее и реализующие *базовый сценарий*.

Будем считать, что базовый сценарий отличается от инерционного некоторым конечным набором признаков, который можно назвать синдромом будущего¹¹. Попробуем описать этот синдром.

Базовый сценарий

Основные ассоциативные тэги: полные технологические пакеты, географическая смена цивилизационного вектора развития, концептуальное лидерство, новая культурная сложность, синдром будущего.

Логика сценария и сценарные ветвления

Сценарий, в отличие от инерционного, *строится на основе принципа формирования новых ресурсов*, а не на жестком перераспределении имеющихся и объективно убывающих ресурсов и потому не имеет ограничений на концептуальную модель в части социальной организации. Иначе говоря, этот сценарий может быть трансформацией как формы «Византия» (предпочтительно), так и формы «СССР».

Синдром будущего для формы «Византия» базового сценария включает следующее.*

- (1) «Южный коридор».
- (2) Концепцию полного технологического пакета, который включает физическую, гуманитарную и семантическую составляющую.
- (3) Полный технологический пакет «Транспортный коридор», то есть сочетание меридионального и широтного коридоров, транспортного кольца в районе их пересечения, образовательного канона, генерирующего культурный код, задающий связность кольца. В сценарии «Византия» — это «Каспийское транспортное коль-

цо», Прикаспийский макрорегион и геопланетарный образовательный канон.

(4) Полный технологический пакет «Фотоника» («Светоника»).

(5) Трансформацию российского когнитивного кода, в настоящее время соответствующего западному оригиналу, посредством включения персидских, славянских (православных) и иных неевропейских когнитивных кодов (духовных и интеллектуальных практик); смысловой «союз древних цивилизаций».

(6) Выход в постнауку и посттехнологии.

«Синдром будущего» для формы «СССР» включает следующее.*

(1) Концепцию полного технологического пакета, который имеет физическую, гуманитарную и семантическую (нейминг) составляющие.

(2) Работу со *сложным временем*, выходящим не только за эйнштейновское, но и за пригожинское представление о времени.

(3) Технологию генерации технологических и в пределах возможности концептуальных диких карт как часть технологического уклада.

(4) Выстраивание технологического уклада на оптических технологиях без применения микроэлектроники (чистая фотоника).

(5) Тотальную фотонику (мир-фотонику): фотоника везде и для всего, властелин света, фотоника как основа русской версии VI технологического уклада.

Важно, что синдромы будущего для обеих форм базового сценария пересекаются на идеях полного технологического пакета, постнауки и смены когнитивного кода. Это делает сценарии совместными, а «маятник» между ними — конструктивным.

Таким образом, сегодня нужно не искать «третий проект» (русскую национальную идею), а строить синдром будущего, обеспечивающий ароморфное изменение инерционного сценария в сторону базового.

Важно понять, что управляющим решением сейчас является выбор не между форма-

ми «СССР» и «Византия» или версиями «Дорогая нефть» и «Опричнина» инерционного сценария, а между инерционным и базовым сценариями. Иначе говоря, управленческим решением является создание синдрома будущего или хотя бы отдельных структурных элементов, входящих в этот синдром.

Итоговые выводы по двум сценариям уровня «Страна»

Оба сценария приводят к существенной смене действующей элиты.

Инерционный сценарий дает высокую вероятность возникновения диких карт и, как следствие, отсутствия практики работы с данной сценарной категорией, которая выглядит как событийный набор, но работать с которой нужно по правилам непрерывного стратегирования (материалы УК-2013), элитная смена становится процессом неуправляемым или управляемым лишь отчасти (в версии «Опричнина»).

Базовый сценарий позволяет перевести процесс элитной смены в проектную плоскость, но сценарий требует вывода населения из состояния депрессии и включения в элиты не только по клановому принципу, но и по признаку профессионализма (замена принципа элитного формирования «корсиканцы» принципом «люди длинной воли»; см. УК-2013 и УК-2017).

Уровень «Мир»: сценарное пространство
Особенностью ситуации на уровне «Мир» является катастрофическая бедность сценарного выбора. В действительности мировое сценарное пространство даже беднее странового, причем в период 2016–2018 гг. отчетливо наблюда-

ется его катастрофическое сужение. Это дает основания для вывода о том, что кризис домината и доминационных элит окажется острее российского кризиса.

В период 2016–2018 гг. потерпели крах сценарии «Ренессанс Великобритании» и «Новые левые» («Революция программистов», «Меганезия»), резко снизилась вероятность реализации сценариев «Католический ренессанс» и «Космический ренессанс». Практически доминационное сценарное пространство сократилось до проектной реализации сценария «четвертая промышленная революция/VI технологический уклад», который представляет собой консенсус доминационных и субдоминационных элит.

Разумеется, продолжает разворачиваться длинный, тысячелетний сценарий «Европейское колесо», что означает усугубление системного кризиса Европейского союза.

Реализация сценария «Четвертая промышленная революция» предполагает рост напряжения на границах пространств, контролируемых доминатом и субдоминатом. Исторически первым серьезным сценарием, проектно построенным на этом напряжении, был сценарий «Пуритане» по размонтированию ряда национальных государств и переходу к прямому управлению их территориями через механизмы транснациональных (доминационных) корпораций. Сценарий был реализован на Украине и отчасти в Испании (Каталония) через версию механизма «бархатной революции». Можно с уверенностью прогнозировать дальнейшие попытки его реализации через механизм криптовалют.

В настоящее время начата реализация сценария «Конфликтный коридор» с созданием дуги нестабильности от Тайваня через Сяньцзян-Уйгурский район, Центральную и Среднюю Азию, Средний Восток и зону Залива, Африканский Рог, Центральную Африку к Западной Африке (на Конференции УК-2018 было сформулировано представление о «расширенной Евразии», включающей в себя некоторые территории африканского континента (Эритрея, Судан/Южный Судан, Центральноафриканская Республика, Габон)). Развертывание этого сценария приведет к прокси-войнам по всей дуге нестабильности. К настоящему времени определилась первая версия этого сценария: «Поле боя — Африка».

**Мир нынче — «саванна,
где все друг на друга охотятся»,
а для такого мира нет
и не может быть методичек.**

Ответом субдомината является сценарий «Кольцо вокруг Каспия» и переход к новой макрорегионализации мира.

Результатом взаимодействия доминационного и субдоминационного сценариев (мета-сценария «Большая игра») является сценарий «Нейтральная зона».

«Поле боя — Африка»

Основные ассоциативные тэги: расширенная Евразия, конфликтные минералы, пространственные коридоры, инфраструктурный капитализм, прокси-войны, поствойна.

Логика сценария и сценарные ветвления

Ключевым элементом, важным для формирования новой картины мировых противоречий и играющим значимую роль в прогнозируемом военном конфликте конца 2020-х годов, является установление контроля над *ресурсами для технологий следующего поколения*, прежде всего новых энергетических технологий¹². Иначе говоря, формируются как бы два разных по структуре блока конфликтных зон:

- традиционные, индустриальные — и здесь, прежде всего, роль играют *пространственные коридоры* для транспортировки углеводородов и конечных потребительских товаров, включая захват рынков (китайский проект «Великий Шелковый путь» лежит в этой логике);
- неоиндустриальные — с формированием структур нового типа, определенного на УК-2015 как инфраструктурный капитализм.

Примеры формирования структур второго типа наиболее ярко можно наблюдать сегодня в Африке.

Старые мировые центры экономической силы (США/Канада, ЕС, Япония) постепенно уступают некоторые глобальные экономические позиции конкурентам, прежде всего молодым быстрорастущим экономикам — Китаю, Индии, Бразилии, Южной Корее, Тайваню, Аргентине, Индонезии и др. В условиях крайней нежелательности сверхопасной прямой конфронтации между старыми и новыми игроками возрос-

ло геостратегическое и военно-политическое значение периферийных зон соперничества: Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки. Здесь катализаторами конфликтогенности и одновременно удобными инструментами внешнего вмешательства становятся национализм, сепаратизм, религиозный экстремизм. В целях сохранения прежней конфигурации миропорядка и установленных глобальных парадигм управления некоторые старые игроки готовы использовать и силы международного терроризма.

Африку блок старых игроков рассматривает, прежде всего, с трех точек зрения: собственно военно-геополитической, ресурсной и прогнозируемых перспектив глобального развития. Эти три качественных аспекта условно проецируются как на оперативные, тактические и стратегические интересы отдельных стран, так и на синергию ключевого военного альянса старых — НАТО. Все три аспекта рассматриваются через призму соперничества с главными, как считается, существующими и потенциальными соперниками и конкурентами. В роли последнего видят прежде всего Китай и в несколько меньшей степени (особенно, если говорить о Тропической Африке) Россию.

Пространство (возможной/вероятной/будущей) современной прокси-войны начинает делиться на два подпространства, в пределах которых война будет носить различный характер, что предполагает использование разного оружия.

Это (1) старое военное пространство вокруг нефтяных пятен и устоявшихся транспортных коридоров и (2) новое военное пространство вокруг конфликтных минералов и проектирующихся транспортных коридоров.

В настоящее время сценарий находится в стадии формирования. Хотя боевые действия в пределах дуги нестабильности уже идут, их проектное и нарративное наполнение еще только создается, в связи с чем говорить о ветвлении данного сценария на версии преждевременно.

**«Кольцо вокруг Каспия»
как пример реализации концепта
«Севера Евразии»**

Основные ассоциативные тэги: «Южный коридор», «Транспортное кольцо», «Интеграционный технологический пакет», «Образовательный канон», «Север Евразии».

Логика сценария и сценарные ветвления

Субдоминанционный проект, направленный на ликвидацию конфликтного коридора через региональное макропроектирование Евразии. Прикаспийский регион рассматривается как ключевая территория, стабильность которой индуктивно обеспечивает стабильность Центральной и Средней Азии и, в некоторых версиях, зоны Залива. Прежде всего, речь идет о срыве американских геополитических проектов «Великий Курдистан» и «Великий Белуджистан» как основы формирования конфликтного коридора.

Основой сценария «Кольцо вокруг Каспия» является реализация, прежде всего Россией (смотри выше), проекта «Южный коридор» и расширение этого проекта до создания «Интеграционного технологического пакета». Такой пакет должен включать:

- систему транспортных коридоров;
- широтный коридор;
- меридиональный коридор;
- транспортное кольцо в районе пересечения широтного и меридионального коридоров;
- полную систему коммуникаций в транспортных коридорах;
- доиндустриальные коммуникации;
- индустриальные коммуникации;
- постиндустриальные коммуникации;
- трансиндустриальные коммуникации;
- интермодальные узлы, в том числе интермодальные узлы, связывающие коммуникационные онлайн- и офлайн-сети;
- линейные города вдоль коммуникаций;
- мировые города в основных интермодальных узлах;
- культурную политику в пространстве интеграции, в том числе интегративный (вероятно, географический) образовательный канон;
- систему военной безопасности, в первую очередь «ядерный зонтик», а также кибербезопасность (на основе фотоники) и эпидемиологическую безопасность (генное оружие).

В основе проектируемой интеграционной системы лежат *геокультурный и технологический (и лишь во вторую очередь геоэкономический и геополитический) союз России и Ирана*. В этой модели Иран замещает (для России) выпавшую из российского экономического пространства Украину.

Проект как целое означает переориентацию России с европейского на азиатский вектор развития (переход от понимания России как «Вос-

тока Европы» к представлению о ней как о «Севере Евразии»).

Сценарные развилки этого проекта на уровнях «Мир» и «Страна» в сущности совпадают и рассмотрены выше.

«Нейтральная» зона

Поскольку «Большая игра» — это все же именно игра, то должна существовать специальная зона, где игроки могут обмениваться технологиями, идеями, оборудованием. Зона должна быть достаточно обширна, находиться на стыке географии конфликта, но не входить в него. Такая зона однозначно локализуется в виде Юго-Восточного Бенилюкса — Вьетнам, Лаос и т.д.

Нейтральная зона формируется в рамках реализации концепта «Север Евразии» для возможности осуществления стратегического маневра в случае конфликта с Китаем в любой форме.

Проектно на УК-2018 не прорабатывалась.

Уровень «Регион»: страна в миниатюре

1. В регионах страны начинает раскручиваться «агрессивно-депрессивный маятник», причем возможно резонансное состояние, сочетающее депрессию и агрессию.

Данное состояние четко ограничивается первым инерционным сценарием.

Подтвердился тезис УК-2016: «В стране созрел запрос на серьезные изменения!».

Предложенный на УК-2018 вариант сборки проекта «Светоника», реализуемого на всех трех уровнях («Мир» — «Страна» — «Регион») и основанного на базе перспективной модели производственной и социальной организации нового типа (в рамках модели «Инфраструктурный капитализм»), дал возможность провести социальное моделирование для базового сценария.

Контраст при проигрывании в рамках конференции двух сценариев (инерционного и базового) был предельным.

2. Растет сепаратизм, порожденный «усталостью умных людей». Помимо сильного запроса на перемены это вызвано нарастанием противоречий между центральными и региональными

ми элитами, исключительной медлительностью центральных элит, их стремлением контролировать все происходящие в регионе процессы. Экономическая экспансия в сферы, традиционно считавшиеся зоной прибыли регионов¹³.

3. Отмечен процесс резкого усиления миграционного оттока квалифицированных кадров. Такой волны не наблюдалось с 1990-х годов.

4. Итоговая рефлексия позволила сделать ряд важных выводов, касающихся *темы ротации элит на уровнях «Страна» и «Регион»*.

За последние тридцать лет у нас было три элиты: элита партии (не путать с горбачевцами), олигархи первой волны, элита нефтяной ренты.

Первой попытку передать детям золото партии совершила *элита партии*, но она пришла к выводу, что это не представляется возможным. Приобретенное у детей, воспитываемых в благоприятных условиях, не имеющих старой партийной школы, попросту отберут.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов вместо того чтобы искать грамотных управленцев, с которыми пришлось бы договариваться и, что неприятно, делиться капиталом, партия набрала приказчиков. Но мозги старопартийцев стареют чисто физиологически. И приказчики, которые все четко исполняли, но плохо системно мыслили, сегодня уже не справляются. Капитал уплывает. И существует актуальная угроза того, что внукам передавать будет просто нечего.

На конференции 2018 г. был представитель тех, кого партия видит в качестве новых управлен-

Одним из важных выводов конференции 2018 г. является гипотеза о том, что в стране назрела не только смена элит, но и смена ведущих социальных позиций.

цев. Это именно он бурно говорил, когда все уже закончилось, *и говорить было попросту поздно.*

Иначе говоря, партийцами опять был выбран тот психотип, с которым, по их мнению, не обязательно договариваться, им можно просто манипулировать. В силу большего опыта и интеллекта.

На УК-2018 были еще представители молодых бизнесменов, которые объективно находились на существенно более высоком уровне понимания и, главное, действия. По итогам игры они ушли к промышленникам в «Светонику». И им

Мозаичность мышления, сформированная постмодерном, четкое понимание чего можно хотеть и что всего этого хотеть нужно именно сейчас, привели к тому, что ситуационное сейчас возобладало у них над серьезными перспективами завтра.

Дети начали воспроизводить постмодернизм во времена, когда он уже закончился. Причем закончился как в стране, так и в мире.

Ситуация усугубляется тем, что мир нынче — «саванна, где все друг на друга охотятся», а для такого мира нет и не может быть методичек. И выигрывает в саванне тот, кто помимо силы имеет системное видение целого, прежде всего *способен делать оперативный просчет не тактических, а стратегических последствий.*

А именно системного видения целого дети постмодерна в основной своей массе лишены, и это становится определяющим в процессе реализации ими функций управления.

В.А. Смирнова

М.Ю. Кожаринов

Н.В. Куликова

Н.М. Луковникова

там было предельно комфортно, особенно когда у них «собралось». Данный психотип не пойдет к партийцам и не позволит, чтобы им манипулировали. А бывшей власти, чтобы ломать таких, как они, — битых и зубастых, у партийцев уже нет. Точно так же они не пойдут ко вторым элитам. У тех «уже не прикольно».

Вторая элита попыталась вытеснить молодых технократов. Для отбора в элиты были использованы те же методы, что вполне успешно (подтверждаем) использовались в начале 2000-х годов.

Но на этот раз успеха не случилось. Дети постмодерна из второй элитной волны, часть которых отучилась за рубежом, привыкшие, как и их родители, иметь методичку, ничего своего предложить не смогли (что прогнозировалось уже на конференции 2014 г.).

О третьей элите пока говорить рано. Тут шансы есть, но, как ни странно, нужен «Новый левый проект», которого пока нет.

В связи с этим, проецируя возможность сценарной развилки для инерционного сценария, можно утверждать, что союз правых экономистов (либералов-прагматиков) с левыми силами не то что невозможен, он бессмыслен. Компартия ни в коей мере не относится к левым силам, не имеет реального влияния и политической позиции. В еще большей степени это относится к правым экономистам.

Одним из важных выводов конференции 2018 г. является гипотеза о том, что в стране назрела не только смена элит, но и смена ведущих социальных позиций, то есть на наших глазах будет меняться социально-классовый состав общества, и это изменение зашито,

с одной стороны, в культурном коде, а с другой — в поколенческой структуре российского общества.

ПЭС 18138 / 01.10.2018

Примечания

1. Проводится четкая международная сепарация на тех, у кого «денег много», и тех, у кого «денег больше нет».

2. На конференции были выделены: ресурсы текущего дня, для защиты которых нужна геополитическая мощь (защита территорий пролегания инфраструктур), и ресурсы завтрашнего дня, для защиты которых нужны, прежде всего, военно-полицейские силы (точечная защита мест добычи новых ресурсов и факторий).

3. Здесь и далее культура понимается как способ сохранения цивилизационной сложности прошлого, формирования новой системной сложности в будущем и способ доведения поведенческих стандартов.

4. Постмодерн продавал не столько товар, сколько его образ. Как информация была атрибутом товара V уклада, так смысл становится атрибутом товаров нового VI уклада.

5. Кризис управления (кризис управленцев) характеризуется тем, что «внизу» ситуация оценивается как кризисная, в то время как «вверху» она оценивается как нормальная.

на, пришедшего на смену постмодерну. Пестрота мелких нарративов постмодерна, обеспечивающая избыточность потребления, сменилась там активной подготовкой новых глобальных нарративов. Для России это должны быть «иные» нарративы, поскольку на сегодня, например, мы в большей степени сохранили достижения западного модерна, чем сам Запад. Легендарный аналог — рыцари Круглого стола, сохраняющие римский порядок на фоне варваризации самого первого Рима.

9. Современное искусство в формате постмодерна здесь не может приниматься к рассмотрению в принципе. Сценарий «Византия» имеет больше шансов на реализацию в данном контексте, чем сценарий «СССР», но при условии готовности РПЦ к трансляции динамично возникающих новых сущностей и смыслов через имеющееся духовное ядро. Проще говоря, речь идет о готовности к разговору с обществом и зарубежными партнерами на понятном им современном языке, но без искажения сущностей, заложенных христианством. Исторический пример — «пермские боги» от святителя Стефана Великопермского.

10. Для реализации маневра смещения и выхода из режима резонанса инвестиции в реальный, производящий сектор экономики в 2017 г. должны были иметь объем, как минимум в 2,5 раза превышающий фактически осуществлен-

В.Н. Кобелев

С.Ю. Исаев

Ю.А. Аникин

Кризис доверия (кризис возможности управлять) характеризуется тем, что «вверху» ситуация оценивается как кризисная, «внизу» сформирована жесткая позиция: это не наше дело, у нас проблемы совсем другие. Предельное состояние кризиса доверия — общенациональная депрессия, результатом которой является сценарная воронка, уводящая в системный кризис с диссипацией блоков действующей системы.

6. Масштабная реклама на Западе возобновляемых источников энергии, по мнению экспертов конференции, в большей степени является информационной кампанией, призванной скрыть начавшиеся гибридные конфликты за обладание новыми сырьевыми ресурсами. Смотри уровень «Мир»: «Африка».

7. Практически во всех компьютерных играх нового поколения данные стандарты не просто присутствуют, а становятся определяющими для игроков. С учетом высокой молодёжности игровой аудитории борьба за культурные и поведенческие стандарты идет весьма активно.

8. Но для этого смысловой и культурный проекты должны иметь принципиальные отличия от западного премодер-

ный. Источник — внешний или внутренний, в том числе эмиссионный, для денежного смягчения принципиального значения не имел (см. УК-2015).

11. Современная биология определяет таксоны, например млекопитающих, через определенный набор признаков, называемый синдромом. У плацентарных млекопитающих есть все признаки синдрома. У сумчатых — только некоторые. У ранних форм, давно вымерших, могут наблюдаться один-два признака.

12. Никель, тантал, кобальт, литий, ниобий, марганец, вольфрам (новые ресурсы) и лишь затем — золото, нефть, алмазы (старые ресурсы). Два типа ресурсов порождают два типа инфраструктуры, два типа войн, два типа военной организации.

13. В 2004–2005 гг. удалось снять остроту конфликта между старой и новой федеральной элитой за счет резкого роста мировых цен на сырье. Попытки по аналогии снять конфликт федеральных элит за счет ресурсов (на этот раз регионов) дадут обратный эффект, то есть обострят конфликты.